

ЭЛДЖЕРНОН БЛЭКВУД

ВЕНДИГО

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б70

Серия «Эксклюзивная классика»

Algernon Blackwood
THE WENDIGO AND OTHER STORIES

Перевод с английского *А. Панасюк*
(«Ивы», «Заклятый остров»),
Е. Романовой («Вендигго», «Пустой дом», «Некто»,
«Кукла», «Смит: случай в пансионе»)

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Блэквуд, Элджернон.

Б70 Вендигго : [сборник] / Элджернон Блэквуд ;
[перевод с английского А. Панасюк, Е. Романовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. —
288 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-184054-9

От глухих канадских лесов до тихих немецких городков и безлюдных дунайских островов, герои Блэквуда изучают тонкую грань между привычным, рациональным миром и миром сакральным. Испытывая страх, восторг или неподдельный ужас, они встречаются со сверхъестественным, обращаются к магии и оккультизму, но раз за разом оказываются бессильны перед величием природы.

В сборник вошли повести «Ивы», «Вендигго», «Пустой дом», «Кукла» и другие наиболее известные произведения Блэквуда.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод. А. Панасюк, 2025

© Перевод. Е. Романова, 2025

Школа перевода В. Баканова, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-184054-9

ВЕНДИГО

I

В том году охотники возвращались домой с пустыми руками, ни разу не напав даже на свежий лосиный след; лоси вели себя необычайно осмотрительно, и многочисленным нимродам* по возвращении в лоно семьи приходилось выдумывать в оправдание своих неудач самые удивительные небылицы, на какие только было гораздо их воображение. Доктор Кэткарт тоже вернулся без трофея, зато привез с собой воспоминание об удивительном случае, ценностью своей превосходящем, по его словам, всех когда-либо подстреленных им сохатых. Тут стоит заметить, что доктора Кэткарта интересовали не только лоси, но и среди прочего прихоти человеческого разума. Увы, именно эта история так и не вошла в написанную им позже книгу о коллективных галлюцинациях — по той простой причине, что он принял в ней непосредственное участие и полагал, что не может беспристрастно судить о произошедшем.

* Нимрод — великий воитель-охотник и царь Вавилона, «сильный зверолов пред Господом» (Быт. 10:9). — *Здесь и далее примеч. пер.*

В охотничий отряд, помимо самого Кэткарта и его проводника Хэнка Дэвиса, входил племянник доктора, впервые приехавший в канадские леса, — студент-богослов по фамилии Симпсон, вознамерившийся посвятить жизнь служению Свободной Церкви Шотландии, а также его личный проводник Джозеф Дефаго. Последний был так называемым кануком — франкоканадцем, много лет назад, еще во времена строительства Канадской тихоокеанской железной дороги, покинувшим родной Квебек и с тех пор осевшим на Крысином Волоке*. По части умения ориентироваться в лесу и на любой местности ему не было равных, вдобавок он прекрасно пел старинные вояжерские песни и травил отменные охотничьи байки. А еще Дефаго был удивительно восприимчив к тем чарам, что первозданная природа наводит на людей одиноких и чувствительных; необитаемые дебри он любил пылкой и романтической любовью, граничащей едва ли не с одержимостью. Жизнь бескрайних чащоб завораживала его — отсюда, несомненно, и происходила его исключительная сноровка в обхождении с их тайнами.

Взять Дефаго в ту охотничью экспедицию предложил Хэнк Дэвис. Он хорошо знал его и мог за него поручиться, что не мешало ему время от времени осыпать канука — «любя, по-дружески» — отборной бранью. Поскольку в запасе у Дэвиса было немало крепких, даром что бессмысленных, выражений, беседы двух этих суровых звероловов подчас носили весьма цветистый характер. Впрочем, из уважения

* Крысиный Волок (*англ.* Rat Portage, *фр.* Portageaux Rats) — прежнее название канадского города Кенора.

к своему постоянному клиенту — доктору Кэткарту, коего Хэнк по здешнему обыкновению именовал просто «доком», — и памятуя о юном Симпсоне, который был «вроде пастыря», — он все же иногда сдерживал поток сей виртуозной брани. Лишь одна черта Дефаго раздражала Хэнка по-настоящему (то, что он называл проявлением «горемычной души»): манера франкоканадца, верного своим романским корням, время от времени впадать в безмолвное уныние. В самом деле, Дефаго отличался богатым воображением и был подвержен приступам меланхолии, во время которых из него нельзя было вытянуть ни слова. Как правило, это случалось после чересчур долгого общения с «цивилизацией», и, стоило ему провести несколько дней на лоне природы, как он неизменно исцелялся.

Вот такой отряд собрался в лагере в ту ночь на последней неделе октября «года пугливых лосей» в глухом, угрюмом и безлюдном краю к северу от Крысиного Волока. С ними был еще индеец по прозвищу Шатун, не раз сопровождавший доктора Кэткарта и Хэнка в охотничьих экспедициях прошлых лет и исполнявший обязанности повара. Он оставался в лагере, ловил рыбу, готовил на огне дичь и по первому слову охотников варил кофе. Ходил в обносках, доставшихся ему от прежних городских патронов, и благодаря этому платью имел не больше сходства с подлинным краснокожим, чем намазанный гуталином актер театра с настоящим негром. Лишь жесткие черные волосы да смуглая кожа выдавали в нем дикаря. Впрочем, задатков своей вымирающей расы Шатун не утратил: он был вынослив, молчалив, угрюм и суеверен.

Тем вечером настроение у охотников было скверное. За неделю блужданий им не попало ни единого признака недавнего пребывания лосей в этих краях. Дефаго спел песню и принялся было за очередную байку, но Хэнк, будучи не в духе, так часто пенял французу на «сплошные неувязки» и «бессоветное вранье», что тот в конце концов насупился и умолк. Доктор Кэткарт с племянником после утомительного дня клевали носом. Шатун мыл посуду, бормоча что-то себе под нос в шалаше из веток, служившем ему и ночлегом. За медленно угасающим костром никто уже не следил. Над головой почти по-зимнему сверкали звезды, и ветра не было, отчего воду у самых берегов близлежащего озера исподтишка захватывала ледяная корка. Из громадного леса на охотников напозвала обволакивающая, настороженная тишина.

Внезапно ее нарушил гнусавый голос Хэнка:

— Кажись, самое время нам перебираться на новое место, док, — энергично обратился он к своему патрону. — Здесь не охота, а маета одна!

— Согласен, — кивнул Кэткарт, человек немногословный. — Идея хорошая.

— А то! У меня плохих не бывает, — уверенно отозвался Хэнк. — Не худо бы двинуть на запад, в сторону озера Гарден, а? В том тихом краю никто из наших еще не бывал...

— Я с вами.

— А ты, Дефаго, вместе с мистером Симпсоном переберись на тот берег озера. Сволоките каноэ до Воды Пятидесяти Островов и хорошенько порыскайте по южному берегу. Прошлой осенью там сохатые гуляли — глядишь, нынче тоже туда подались всем назло!

Дефаго, неотрывно смотревший в костер, молчал. Видно, в нем еще кипела обида за прерванный рассказ.

— Бьюсь об заклад, в этом году ни одной души там не было! — с чувством добавил Хэнк, будто обладал некими тайными знаниями на этот счет, и пронзительно взглянул на своего приятеля. — Возьмите маленькую палатку и махните туда на пару-тройку ночей, — заключил Хэнк, словно дело было уже решенное, потому как в отряде все подобные решения принимал он.

Все ясно видели, что Дефаго не в восторге от плана, однако в его молчании читалось нечто большее, чем простое неодобрение, а на его подвижном смуглом лице мелькнула и мгновенно погасла странная искра — впрочем, не настолько быстро, чтобы ускользнуть от внимания остальных.

— Он струсил, так мне думается, — позднее, уже в палатке, сообщил Симпсон своему дяде.

Доктор Кэткарт не ответил, хотя выражение лица Дефаго тоже его насторожило и вызвало в нем смутную тревогу, объяснить которую он тогда не сумел, как ни пытался.

Конечно, первым замешательство Дефаго заметил сам Хэнк. Как ни странно, оно не вывело его из себя, а, наоборот, смягчило.

— Да брось, — примирительно сказал он, — нет ведь никакой *особой* причины, почему туда охотники не ходят. И уж верно дело не в том, о чем ты подумал! Вот в прошлом году да, пожары там бушевали, потому никто туда и не рвался, а нынче... А нынче просто так вышло, и все! — По его тону было ясно, что он пытался ободрить товарища.

Джозеф Дефаго на миг поднял взгляд и тут же опять опустил. Из леса как раз вырвалось дуновение ветра, и в зареве от ярко вспыхнувших углей доктор Кэткарт вновь различил на лице проводника то странное выражение, и оно вновь ему не понравилось. На сей раз чувства Дефаго успели выдать глаза — глаза человека, испуганного до глубины души. Это встревожило Кэткарта куда больше, чем он готов был признать.

— Уж не индейцы ли там лютуют? — спросил он с легким смешком, чтобы немного разрядить обстановку; клевавший носом Симпсон не заметил этой немой сцены и, протяжно зевнув, направился к палатке. — ... или, быть может, какая-то беда случилась в тех краях? — добавил Кэткарт, когда племянник уже не мог его услышать.

Хэнк посмотрел ему в глаза, но не прямо и открыто, как обычно, а в явном замешательстве.

— Да он просто трухнул! — воскликнул он с деланным благодушием. — Бабкиных сказок наслушался, верно, старина?! — Он дружески пихнул мыском ботинка протянутую к костру ногу Дефаго, обутую в мокасин.

Тот вскинул голову, словно очнулся от забытья — которое, впрочем, не мешало ему видеть и слышать все, что происходило вокруг.

— Трухнул? Еще чего! — с вызовом воскликнул он. — Заруби себе на носу: ничто в лесу не может напугать Джозефа Дефаго! — Последние слова были произнесены с такой запальчивостью, что невозможно было определить, правдивы они целиком или только отчасти.

Хэнк повернулся к доктору и хотел что-то добавить, но вдруг замер и осмотрелся по сторонам. Все

трое услышали рядом какой-то шум и невольно вздрогнули. Оказалось, то был Шатун: он выбрался из своего шалаша и теперь стоял за пределами круга света, отбрасываемого костром, молча слушая их беседу.

— В другой раз, док! — подмигнув, шепнул Хэнк Кэткарту. — О таком лучше толковать без свидетелей, с глазу на глаз.

Тут же он вскочил на ноги, хлопнул индейца по спине и громко закричал:

— Иди к огню, погрей маленько свою грязную красную шкуру! — Он подтащил Шатуна к костру и подбросил в огонь немного дров. — Накормил ты нас сегодня честь по чести, — радушно продолжал он, словно пытаясь сбить индейца со следа. — Не по-божески оно, чтоб твоя старая шкура дрогла на морозе, пока мы тут жаримся у костра!

Индеец подошел и сел к огню, угрюмо улыбаясь словоизвержениям Хэнка, которые понимал лишь отчасти. Тогда доктор Кэткарт, сообразив, что поговорить по душам уже не получится, последовал примеру племянника и ушел в палатку, оставив троицу курить у пылающего костра.

Раздеться в маленькой палатке, не разбудив соседа, — дело непростое, и Кэткарт, человек пятидесяти с лишним лет, но закаленный и пышущий здоровьем, решил снять с себя как можно больше вещей на улице. В процессе одного разоблачения, которое Хэнк назвал бы «молодецким подвигом», он заметил, что Шатун удалился в свой шалаш, а Хэнк и Дефаго опять взялись за старое, причем на сей раз грызлись от души, и больше всего доставалось маленькому франкоканадцу. Все это очень походило на сцену из типичного спектакля о завое-

вании Дикого Запада: на лицах обоих участников играли, мешаясь с черными тенями, алые отсветы пламени; Дефаго в мягкой широкополой шляпе и мокасынах явно исполнял роль злодея пустоши, а Хэнк, с простым открытым лицом, непокрытой головой и порывистыми движениями могучих рук и плеч, играл честного, коварно обманутого героя. Таинственности происходящему добавлял старый Шатун, подслушивающий на заднем плане. Подметив все эти забавные подробности, доктор невольно улыбнулся, но в то же время внутри у него что-то — он сам не понял, что именно, — испуганно сжалось, будто едва уловимое дурное предчувствие тронуло поверхность его души и тут же сгнуло, прежде чем Кэткарт успел его осознать. Быть может, дело было в том испуге, который он различил в глазах Дефаго; «быть может» — потому что это мимолетное чувство не поддавалось никакому анализу, хотя острый аналитический ум Кэткарта обычно схватывал и подмечал все. От Дефаго могут быть неприятности, смутно подозревал доктор Кэткарт... Он не такой надежный проводник, как, например, Хэнк... Однако дальше этих рассуждений дело не шло.

Доктор еще какое-то время понаблюдал за ссорой, а затем нырнул в душную палатку, где уже крепко спал Симпсон. Хэнк бранился как портовый грузчик, но бранился «любя». Невообразимые ругательства хлестали из него бурным потоком, ибо все помехи их свободному излиянию крепко спали. Вот Хэнк почти по-дружески взял своего приятеля за плечо, и они вместе ушли в темноту, из которой смутно проглядывали очертания их палатки. Шатун последовал их примеру и зарылся в грудку пахучих одеял на противоположной стороне лагеря.

Доктор Кэткарт тоже лег. Усталость и сонливость какое-то время еще вели борьбу с любопытством и желанием дознаться, что же так напугало Дефаго на южном берегу Воды Пятидесяти Островов и почему Хэнк не захотел продолжать разговор при Шатуне, но в конце концов сон все же сморил его. Завтра он все выяснит. Хэнк ему расскажет, когда они будут вдвоем бродить по лесам в поисках неуловимых лосей.

Глубокая тишина опустилась на маленький лагерь, разбитый столь дерзновенно в самом сердце — или, скорее, прямо в разинутой пасти — дикой глуши. Подмораживало. Черная зеркальная гладь озера сверкала под звездным небом. В потоках колючего ночного воздуха, безмолвно льющегося из глубин леса и несущего с собой послания от дальних горных хребтов и подмерзающих озер, уже угадывались неясные, тонкие запахи надвигающейся зимы. Слабое обоняние белого человека не способно уловить эти почти электрические ноты: дым от костра прячет от нас дыхание мха, коры и далеких заиндевевших топей. Даже Хэнк и Дефаго, заключившие негласный союз с лесными духами, быть может, напрасно раздували бы сейчас ноздри...

Однако час спустя, когда все заснули мертвым сном, старый Шатун выбрался из груды одеял и тенью скользнул к берегу озера — бесшумно, как умеют только индейцы. Он поднял голову и осмотрелся. В густом мраке возможности человеческого зрения ограничены, но Шатун, подобно лесным зверям, обладал другими чувствами, над которыми тьма была бессильна. Индеец прислушался и потянул носом воздух. Неподвижно замер, точно ствол тсуги, а спустя пять минут еще раз поднял голову и принял.

Затем еще раз. Так он пробовал морозный воздух, и по всему его телу разбежались иголки: работали незримые волшебные нервы. Наконец, слившись с окружающей темнотой, как умеют только дикари и животные, Шатун повернулся и той же тенью прокрался обратно к шалашу и своему ложу.

Вскоре после того как он заснул, предсказанный им ветер поднялся и всколыхнул отражение звезд на озерной глади. Рожденный среди дальних горных вершин за Водой Пятидесяти Островов, этот ветер задул с той стороны, куда смотрел индеец, и с тихим, едва различимым в ночи шелестом пронесся над спящим лагерем. Вместе с ним по пустынным ночным тропам долетело слишком слабое, слишком тонкое даже для чутких нервов индейца странное дуновение, новое и будоражащее, дух чего-то неведомого и совершенно непостижимого.

Франкоканадец и человек индейских кровей беспокойно заворочались во сне, однако никто из них не проснулся. В следующий миг тень странного запаха исчезла и затерялась в бескрайних, нетронутых человеком дебрях черного леса.

II

Наутро лагерь ожил еще до восхода солнца. Ночью выпал легкий снежок, и воздух стал колючим от мороза. Шатун приступил к своим обязанностям заблаговременно: ароматы кофе и жареного бекона пробрались во все палатки. Охотники просыпались в добром расположении духа.

— Ветер переменился! — жизнерадостно объявил Хэнк, наблюдая, как Симпсон и его проводник грузят вещи в маленькое каноэ. — Он теперь

с озера — для охоты на лося самое то, ребятаки! А на снегу еще и следы все видать. Если там вообще есть лоси, с таким ветром они вас за милю не учуют! Удачи, месье Дефаго! — добавил он, в кои-то веки придав имени своего друга французское звучание, пусть и ради смеха. — *Bonne chance!*

Дефаго тоже пожелал ему успехов и, надо отметить, сделал это самым радушным образом: от его вчерашней неразговорчивости не осталось и следа. Еще не было и восьми утра, когда лагерь целиком оказался в распоряжении Шатуна: Кэткарт и Хэнк выдвинулись пешком на запад, а каноэ, несшее Симпсона и Дефаго с палаткой и двухдневным запасом провизии строго на восток, уже превратилось в темную точку, покачивающуюся на озерной глади.

Студеный зимний воздух стал мягче, когда солнце вышло из-за лесистых хребтов и разлило свое роскошное тепло по лесам и озерам. Над поверхностью озера в сияющей водяной пыли, взбиваемой ветром, скользили гагары; нырки выскакивали на солнце, отряхивались и вновь исчезали под водой; и всюду, насколько хватал глаз, высилась необъятная, теснящая со всех сторон Чаша, немая и могучая в своем безлюдном великолепии — сплошной ее ковер простирался до самых берегов уже скованного льдом Гудзонова залива.

Симпсон видел все это впервые; изо всех сил налегая на весла танцующего на волнах каноэ, он завороченно любовался суровой красотой здешней природы. Сердце его наслаждалось свободой и простором; легкие жадно вбирали прохладный, хрусткий, душистый воздух. Дефаго на корме, то и дело напевавший себе под нос обрывки народных песен,

небрежно правил суденышком из березовой коры, точно погонял лошадь или осла, и весело отвечал на вопросы своего спутника. Оба были в приподнятом настроении. В такие минуты между людьми обычно стираются все поверхностные, светские различия; они становятся партнерами, стремящимися к общей цели. Симпсон, наниматель, и Дефаго, работник, оказавшись во власти первобытных сил, стали просто двумя людьми, «ведущим» и «ведомым». Тот, кто обладал большими знаниями, разумеется, взял на себя роль руководителя, а юноша, не задумываясь, занял подчиненное положение. Он и не думал возражать, когда Дефаго отбросил слово «мистер» и стал обращаться к нему не иначе как «слышь, Симпсон» или «шеф». К тому времени когда они прогребли двенадцать миль против крепкого ветра и наконец пристали к берегу, это успело войти у него в привычку; поначалу Симпсон улыбался, радуясь такому панибратскому обращению, а затем вовсе перестал его замечать.

Дело в том, что наш «студент-богослов» был юношей разносторонним и не робкого десятка, хотя, конечно, не успел еще толком поехать по миру. До сих пор он путешествовал лишь по своей стране и пару раз побывал в Швейцарии; грандиозное величие природы в этой поездке не на шутку его потрясло. Он понял, что одно дело — слушать рассказы о древних первобытных лесах и совсем другое — увидеть их собственными глазами. А уж тесное личное знакомство с дикой природой и вовсе можно назвать испытанием, способным заставить любого неглупого человека пересмотреть свое мировоззрение и принципы, которые он до тех пор полагал священными и непреложными.

Первый смутный намек на подобное переосмысление Симпсон ощутил, когда взял в руки новенькую винтовку 303-го калибра и скользнул взглядом по ее безупречным блестящим стволам. Три дня странствий по лесу и воде еще больше способствовали этим переменам. А теперь, когда им с Дефаго предстояло выйти за пределы лагеря — хоть сколько-нибудь освоенной ими части леса — и попасть в самое сердце первозданной Чащи, по площади превосходившей всю Европу, до Симпсона начало доходить подлинное значение оногo события, и он, как человек, наделенный богатым воображением, испытал смесь леденящего душу восторга и ужаса. Юноше казалось, что они с Дефаго вдвоем бросили вызов могучей громаде — Титану, не меньше.

Угрюмые просторы этих удаленных от всего мира, совершенно безлюдных лесов вызывали в нем ошеломляющее чувство собственной ничтожности. В синей лесной дали, мреющей на горизонте, суровость глухих чащоб, которую можно было назвать только безжалостной и ужасающей, сгущалась в отчетливое предостережение, которое Симпсон прекрасно уловил. Он осознал свою полную беспомощность. Один лишь Дефаго, как символ той далекой цивилизации, где человек еще был хозяином мира, стоял между ним и страшной смертью от голода и истощения.

Поэтому он с трепетом наблюдал, как проводник, перевернув каноэ, шустро спрятал под него весла и принялся помечать зарубками стволы елей по обе стороны от почти невидимой тропы. За этим делом он непринужденно обронил:

— Слышь, Симпсон, если со мной чего случится, каноэ найдешь по зарубкам. Гребни отсюда